

Крис Пристли
СТРАШНЫЕ
СКАЗКИ
ЖЕНЩИНЫ
В БЕЛОМ

перевела
Наталья
Александрова

Страшные сказки

Крис Пристли

**Страшные сказки
Женщины в белом**

«Самокат»

2009

Пристли К.

Страшные сказки Женщины в белом / К. Пристли — «Самокат», 2009 — (Страшные сказки)

ISBN 978-5-00167-506-8

Роберту Харперу впервые предстоит совершить самостоятельное путешествие на поезде. Раньше его всегда кто-то сопровождал, а теперь он один, как взрослый, возвращается в школу после каникул. Но вскоре стук колес замолкает: поезд останавливается перед тоннелем. Чтобы скоротать время, загадочная попутчица Роберта — женщина, с головы до ног одетая во всё белое, — рассказывает истории, одна другой мрачнее. Таинственная незнакомка и её жуткие рассказы завораживают Роберта и наводят на него ужас, а поезд всё не отправляется... 5 причин купить книгу «Страшные сказки Женщины в белом»: • Действительно жуткие страшилки для любителей жанра ужасов; • Отличная стилизация под мрачные мистические рассказы для всех, кто любит Эдгара Алана По; • Красиво построенная композиция сборника для тех, кто ценит продуманно построенные сюжеты; • «Сказки...» подходят и детям, которые просто любят страшилки, и взрослым, которые хотят отвлечься от реальных страхов; • Это третья книга серии. Ранее в 2021 году вышла первая книга «Страшные сказки дядюшки Монтегю».

ISBN 978-5-00167-506-8

© Пристли К., 2009

© Самокат, 2009

Содержание

Поезд	6
Оранжерея	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Крис Пристли

Страшные сказки Женщины в белом

Иллюстрации Дэвида Робертса

Text copyright © Chris Priestley, 2009

Illustrations copyright © David Roberts 2009

This translation of Tales of Terror from the Tunnel's Mouth is published by Samokat Publishing House by arrangement with Bloomsbury Publishing Plc

© Александрова Н., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом „Самокат“», 2023

Любое использование текста и иллюстраций допускается только с письменного согласия Издательского дома «Самокат».

* * *

Крис Пристли – английский писатель, мастер «страшилок», от которых кровь стынет в жилах, по спине бегут мурашки, а душа уходит в пятки.

* * *

Х. С. с благодарностью

Поезд

Это было мое первое самостоятельное путешествие по железной дороге. Мачеха поехала провожать меня на вокзал и принялась донимать непрошеными объятиями, поцелуями и сюсюканьем, которые служили у нее проявлениями нежности.

Мой отец был на войне, сражался с бурами под палящим солнцем Южной Африки, и я бы с радостью присоединился к нему, лишь бы ни на секунду не оставаться с его надоедливой нудной женой. Хотя наши с отцом отношения тоже едва ли можно назвать близкими.

Однако, к моему счастью, каникулы все же подошли к концу, и теперь я отправлялся в новую школу. В обычных обстоятельствах я, без сомнения, волновался бы из-за этой перемены, однако недели с мачехой оказались тяжким испытанием и закалили и укрепили мой характер настолько, что я был готов к встрече с любыми возможными трудностями. Я не боялся ничего.

По крайней мере, так мне казалось.

Мы ждали на платформе почти полчаса: мачеха настояла, чтобы мы приехали до абсурдного рано, – так сильно она беспокоилась, что я опоздаю на поезд.

Мы сидели на платформе на деревянной скамье. Беседа иссякла, и я читал «Иллюстрированный Лондон Ньюс», а мачеха дремала. У нее невероятная способность засыпать в мгновение ока. Стоит обычному распорядку прерваться – и вот она уже спит. Готов поклясться, что в ней больше от кошки, чем от человека.

Я огляделся. Довольно приятное солнечное утро, непримечательная станция в сельской Англии. Пока мы сидели, прибыли трое или четверо пассажиров, а по платформе взад и вперед ходил начальник станции, тучный и бородатый. Каждые две минуты он взглядывал на часы, улыбался и дотрагивался до шляпы, приветствуя каждого, кто шел мимо.

По правде говоря, все было совершенно заурядно и до ужаса спокойно – пока мачеха, сдавленно вскрикнув, вдруг не очнулась от своей кошачьей дремоты: этот вскрик заставил меня подпрыгнуть на несколько дюймов и привлек к нам обеспокоенные и смущенные взгляды других ожидающих поезда пассажиров.

– Ради всего святого. – Я покраснел и изо всех сил старался не встретиться взглядом ни с кем из окружающих. – На нас все смотрят.

– О! – Мачеха повернулась ко мне с весьма безумным видом и дико вытаращила глаза. – У меня только что было ужаснейшее видение!

Самое время упомянуть, что она считала себя наделенной подобным даром.

– Вам приснилось, – ответил я и улыбнулся смотревшему на нее джентльмену, который, судя по выражению лица, задавался вопросом, не сбежала ли эта дама из лечебницы для душевнобольных, – надо сказать, не без основания.

– Но, дорогой мой, я явственно ощутила присутствие опасности, смертельной опасности, – сказала она, глядя на меня все в том же смятении.

– Что вы такое говорите, мадам? – прошипел я.

– Я предпочла бы, чтобы ты не называл меня так. – Она прижала ладони к вискам.

Я прекрасно знал, что ей это не по душе, но ни за что на свете не назвал бы ее матушкой, как она того хотела.

– Так что за опасность? – спросил я.

– Не знаю, – ответила она. – Я вижу... Вижу поцелуй.

– Поцелуй? – Я рассмеялся. – Они, кажется, неопасны – по крайней мере, не смертельно. Разве что мне придется целоваться с крокодилом.

– Поцелуй, – повторила она. – И тоннель – длинный, темный, жуткий тоннель...

– Меня ждет поцелуй с тоннелем? Что ж, это, пожалуй, немного опасно, – сказал я с издевательской ухмылкой.

Однако мачеха продолжала смотреть на меня самым странным образом, и каким бы смехотворным ни казалось ее заявление, что-то в ее взгляде настораживало, и я поневоле отвернулся.

Опять это ее «видение». Такое же смутное, как и обычно. Я вздохнул и посмотрел на пути, желая, чтобы поезд пришел поскорее. Я всем сердцем хотел уехать от нее подальше.

– Вы заснули. Это был всего лишь сон. – Мне с трудом удавалось скрыть презрение. – Или сновидение, или что там обычно снится, когда решаешь вздремнуть на вокзале среди бела дня.

Мой тон возмутил мачеху.

– Будь добр, не говори со мной так, – сказала она.

– Если я вас оскорбил, прошу простить, – ответил я и отвернулся.

Но я совсем не раскаивался.

С путей раздался свисток, возвестивший скорое прибытие моего поезда. Какое облегчение! Я поднялся на ноги.

– Что ж, мне пора.

– Мой дорогой мальчик. – Мачеха кинулась мне на шею самым вульгарным образом.

– Прошу вас. – От неловкости я поморщился. – Люди смотрят.

Наконец я выпутался из ее объятий и, подхватив сумку, направился к вагону. Она схватила меня за рукав.

– Я бы предпочла, чтобы ты поехал другим поездом.

Я не остановился.

– После того, как мы прождали здесь почти час? Вот еще.

Нет уж, я больше ни на миг не задержусь на этой платформе! Я ступил в вагон и с силой захлопнул дверь, надеясь тем самым отчасти продемонстрировать свои чувства. Сквозь стекло в верхней части двери я видел, как мачеха одной рукой прижимала к лицу носовой платок, а другой обмахивалась на манер веера, словно вот-вот упадет в обморок (разумеется, исподтишка озираясь в надежде на публику).

Клубы пара скрыли ее – немало порадовавшая меня иллюзия, – но, когда поезд тронулся, я мельком увидел, как она лихорадочно машет вслед, и, притворившись, что не замечаю ее, отправился искать себе место.

Я пошел по коридору, заглядывая в купе, пока не обнаружил одно со свободным местом у окна. Единственным его пассажиром был строгий джентльмен с военной выправкой и крас-

ным лицом, тяжелым, выдающимся вперед подбородком и пышными усами. Назовем его Майором. Я вошел, и он кивнул в знак приветствия.

– Вы не возражаете, если я присоединюсь к вам, сэр? – спросил я.

– Нисколько, – ответил он, выпрямляясь при моем приближении как по команде «смирно».

Я улыбнулся, поблагодарил его и положил сумку на багажную полку над сиденьем. Майор шумно втянул носом воздух.

– Если только у тебя нет привычки насвистывать, – продолжил он, когда я уселся.

– Прошу прощения, сэр?

– Насвистывать, – повторил он. – Не выношу свистунов. Терпеть не могу, когда свистят, знаешь ли.

– Нет, сэр, – уверил его я. – Такой привычки у меня нет.

– Рад слышать. – Он снова засопел. – Многие молодые люди этим грешат.

– Я не из таких, сэр.

– Вот и чудно.

Я улыбнулся и посмотрел в окно, надеясь, что это положит конец странной беседе, и, к счастью, так оно и случилось. Майор взял номер «Таймс», лежавший у него на коленях, развернул и стал читать, то хмыкая, то что-то восклицая.

Поезд то и дело останавливался на станциях, столь же чопорных и заурядных, как та, с которой уезжал я. После каждой остановки в вагоне прибавлялось по пассажиру.

Первым к нам с Майором присоединился епископ (по крайней мере, я буду звать его так). Дородный круглолицый священнослужитель поздоровался, сел рядом со мной, вынул из портфеля стопку исписанных листов и принялся их изучать, время от времени делая пометки самопишущей ручкой.

Следом в купе появился низенький поджарый человек – фермер, решил я. Он разместился напротив Епископа, рядом с Майором. Пока он усаживался, мы все покивали друг другу в знак приветствия. Руки Фермера, очевидно, были привычны к тяжелой работе, а его обувь, вычищенная без особого тщания, являла следы свежей грязи.

На другой станции в купе вошел высокий, мертвенно-бледный джентльмен. Этот господин – хорошо одетый, с длинными бледными пальцами и таким же лицом – был шапочно знаком с Майором. В руке он держал номер журнала «Ланцет»: без сомнения, хирург, направляющийся на Харли-стрит¹. Он сел рядом с Епископом, напротив Майора. Второе место у окна – напротив меня – осталось незанятым.

Вдруг я почувствовал некоторое изнеможение. Возможно, меня утомило возбуждение от самостоятельного путешествия, или виной тому было теплое солнце, светившее в окно вагона. Я закрыл глаза.

Открыв их, казалось бы, всего через мгновенье, я понял, что, должно быть, проспал некоторое время, ведь напротив меня теперь сидела женщина – довольно красивая, но строгой красотой.

Она была молода, ненамного старше меня. Рыжеволосая, очень бледная и стройная, с удлиненным лицом и высокими скулами. Вся ее одежда, начиная от туфель и заканчивая шляпой, была белой.

Я улыбнулся и кивнул, и она улыбнулась в ответ, но от пристального взгляда ее зеленых глаз мне стало не по себе.

Я снова кивнул и оглядел остальных пассажиров купе, которые – все до единого – крепко спали; забавно, но Майор с каждым выдохом присвистывал.

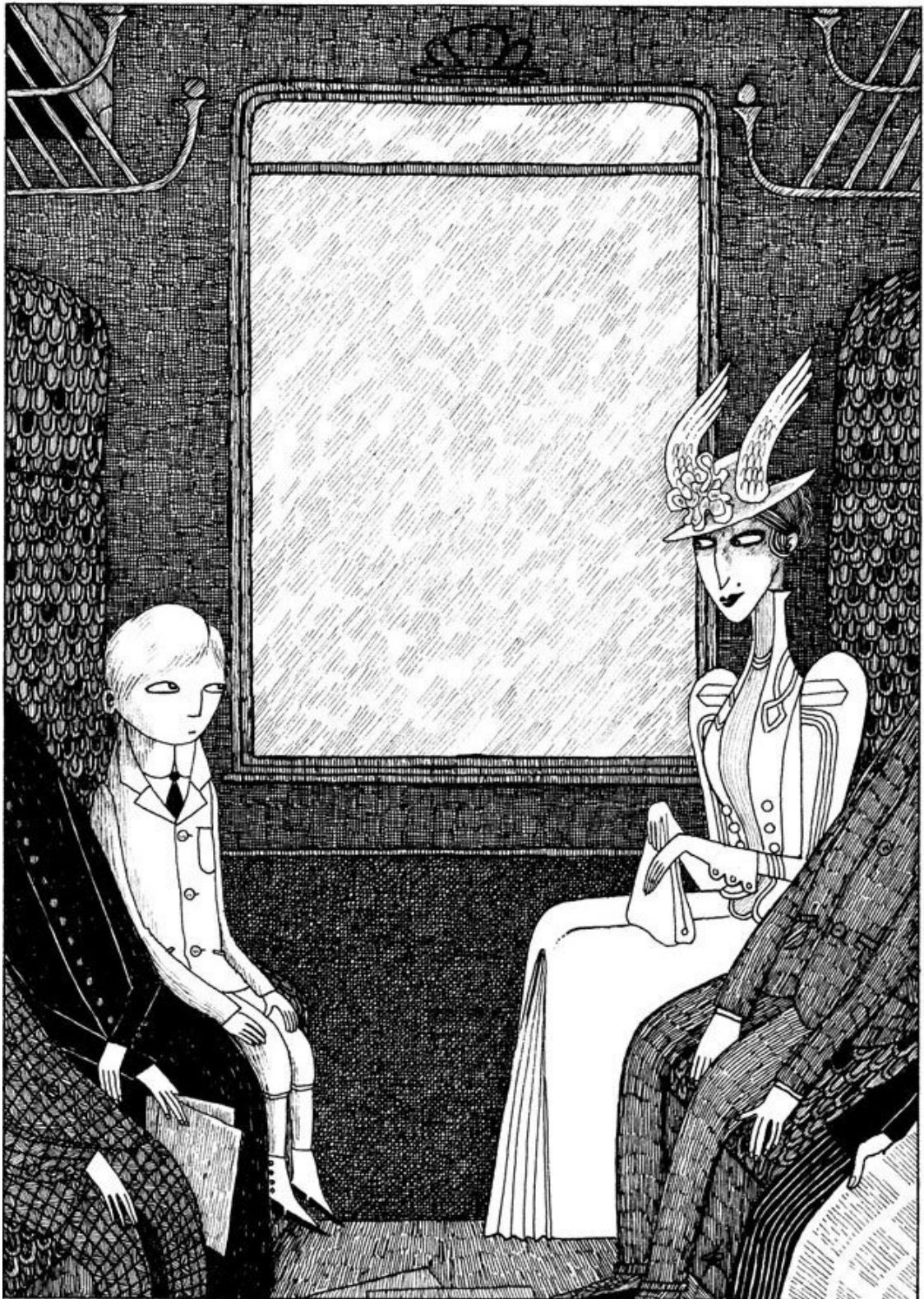
¹ Харли-стрит – улица в Лондоне, получившая в XIX веке известность благодаря тому, что там открывали практику врачи самых разных специализаций. – *Здесь и далее прим. пер.*

Еще одна перемена заключалась в том, что поезд остановился, хотя никакой станции видно не было. Прижавшись лицом к стеклу, я увидел, что локомотив стоит прямо перед въездом в тоннель, а вагоны выстроились у подножия громадной выемки². Ее высокие крутые откосы почти закрывали небо, и потому на поезд будто опустились в сумерки.

Я вспомнил постыдную истерику мачехи и потряс головой. Воображаю, с каким удовольствием она бы сказала: «Я же говорила». Однако, как ни раздражала непредвиденная остановка, едва ли она представляла собой какую-либо опасность.

Сидящая напротив женщина по-прежнему смотрела прямо на меня и улыбалась так беззастенчиво, что я почувствовал, как краснею.

² Выемка – заглубленный участок дороги, для сооружения которого вынимают грунт. Получается своего рода длинная яма с земляными стенками.

- Где мы находимся, мисс? Вы, случайно, не знаете? Было ли объявление?
- Вы надеялись на объявление?
- Да, – ответил я, – проводник должен был сообщить, где мы находимся и надолго ли задерживаемся.
- О, вот как, – сказала она. – Нет, боюсь, никакого объявления не было.

Она взглянула на золотые карманные часы, затем на меня, затем снова на часы и убрала их в маленькую сумочку, которую придерживала на коленях длинными пальцами, затянутыми в белую перчатку. Я тоже достал свои часы и вздохнул, встряхивая их.

– Который час, мисс? – спросил я. – Мои часы, кажется, остановились.

– Который час? – Она наклонила голову, словно маленькая птичка. – Вы спешите? Молодежь вечно куда-то спешит.

Меня немного повеселило, что она сказала «молодежь», ведь, как я уже сказал, она была старше меня самое большее на десять лет. Но я оставил ее замечание без внимания и ответил:

– Я не слишком спешу. Но меня встречают на вокзале Кингс-Кросс, и я бы не хотел никого задерживать. Мне просто хотелось бы знать, сколько мы уже здесь стоим.

– Недолго, – сказала она.

Я снова помолчал в надежде, что она продолжит, но она ничего не сказала.

– Роберт Харпер, – представился я, протягивая руку. Думаю, так в подобных обстоятельствах поступил бы мой отец.

– Очень приятно познакомиться, Роберт. – Она взяла мою руку, задержав ее в своей долгие, чем я бы предпочел. Пожатие у нее было удивительно сильным.

Однако она не назвалась, и я, хоть это и может показаться слабостью, не решился настаивать. Я снова посмотрел в окно и вздохнул, раздосадованный, что мы по-прежнему не движемся с места.

– Вы, кажется, обеспокоены, Роберт, – сказала Женщина в белом (про себя я решил именовать ее так, припомнив одноименный роман мистера Коллинза). Напрасно я проболтался, как меня зовут, – так у нее сразу появилось передо мной некое преимущество.

– Мне всего лишь не терпится продолжить путь, мисс... – Я прервался, чтобы она наконец представилась, и выжидательно приподнял брови, но она и не подумала нарушить паузу. Я осмелился нахмуриться, совершенно не заботясь о том, что это может ее оскорбить. Однако она, напротив, улыбнулась еще шире. Уверен, что она насмеялась надо мной.

Я взглянул в окно еще раз, но смотреть там было не на что: мимо не пробежал даже самый малюсенький зверек. Пока я вглядывался в полумрак, мне странным образом почудилось, что Женщина в белом наклоняется ко мне. Краем глаза я заметил в окне мелькнувшее отражение: ее лицо несколько исказилось, когда она подалась вперед. Я обернулся и вжался в сиденье. Однако Женщина в белом сидела в той же позе и улыбалась, и я почувствовал себя довольно глупо.

– Что с вами, Роберт? – спросила она, и не без причины.

– Все в порядке, благодарю вас, – ответил я как можно более непринужденно. – Мне разве что немного скучно.

Женщина в белом понимающе кивнула и, взмахнув изящными руками, хлопнула в ладоши так внезапно, что я испугался. К моему изумлению, этот звук не разбудил никого из спящих пассажиров.

– Нам нужно придумать, чем себя развлечь, – объявила она.

– Вы предполагаете? – сказал я, гадая, что она имеет в виду.

– Может, вы были бы не прочь послушать историю?

– Историю? – переспросил я слегка недоверчиво. – Вы, мисс, стало быть, школьная учительница? – Однако, стоило мне произнести эти слова, как я понял: в ней есть нечто такое, что делает это маловероятным.

– Нет, Господь с вами, я не учительница. – Она улыбнулась, найдя, очевидно, эту мысль забавной. – Полагаю, вы так решили, потому что считаете, будто истории рассказывают только детям?

– Нет, вовсе нет, мисс. Я очень люблю истории.

– И какие же истории вы любите, Роберт? – Она опять по-птичьи наклонила голову.

– Ну, не знаю, – ответил я. – Я выписываю «Стрэнд Мэгэзин», там много занимательных рассказов, например те, что пишет мистер Уэллс. Или приключения Шерлока Холмса.

Женщина в белом улыбнулась, но, поскольку она ничего не ответила, я счел нужным продолжить.

– Я прочел «Дракулу» мистера Стокера, и мне ужасно понравилось. О, и еще я нахожу, что мистер Стивенсон тоже прекрасный писатель, но это, возможно, потому что мы тезки.

Она приподняла брови.

– Роберт, – объяснил я. – Нас обоих так зовут. Он ведь Роберт Льюис Стивенсон.

– Да. Я поняла.

– О, прошу прощения.

Снова повисла пауза. Я ожидал, что Женщина в белом выскажется на предмет моих литературных вкусов, но никакого суждения от нее не последовало.

– Мне весьма пришлось по вкусу «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», – продолжил я. Она улыбнулась и кивнула. – И, думается, «Портрет Дориана Грея» тоже очень хорош, – добавил я в надежде поразить ее тем, что мне нравится такое скандально известное произведение. Однако ее лицо осталось бесстрастным.

– Кажется, вас привлекают истории о противоестественных опасностях, – сказала она, – и произведения с уклоном в сверхъестественное и таинственное.

– Пожалуй, да, – признал я, не уверенный, говорит ли она это мне в укор.

– Что ж, – сказала Женщина в белом. – Быть может, у меня найдется пара историй, которые придутся вам по душе.

– А вы сами, случайно, не писательница, мисс? – спросил я. Я никогда еще не читал произведений, написанных женщинами, но знал, что женщины-писательницы существуют. Это могло бы объяснить ее своеобразные манеры. Как я знал из газет, писатели – странный народ.

Эта моя догадка позабавила ее еще больше, чем когда я предположил, что она учительница.

– Нет-нет. Я не писательница, но в самом деле знаю много историй. – Она сложила кончики пальцев вместе, и ее глаза сверкнули. – Что, если я расскажу одну? Посмотрим, как она вам понравится.

Признаюсь, я не проявил воодушевления, но отказаться было бы невежливо. Предложение казалось довольно экстравагантным. Я неуверенно покосился на остальных пассажиров, но они все еще крепко спали.

– Скоротаем несколько минут, – сказала она.

– Ну что ж, хорошо. – Я вздохнул и бросил еще один взгляд на наших соседей по купе, надеясь, что хотя бы один из них очнется и придет мне на выручку. – О чем же ваш рассказ?

– Боюсь, что если проговорюсь, то испорчу вам все удовольствие.

Я кивнул и посмотрел в окно.

– Вы интересуетесь ботаникой?

– Ботаникой? – переспросил я и нарочно подтолкнул Епископа, но без толку.

– Наукой о растениях, – объяснила она и снова сложила пальцы вместе так, будто речь шла о чем-то невероятно захватывающем.

– Не слишком. – Я слегка скривил губы. – А это важно?

– Ничуть, – ответила она. – Ничуть.

Оранжерея

Оскар не видел отца почти два года, и теперь они сидели в утренней гостиной, будто были едва знакомы. Вдалеке раздавались мерные настойчивые удары молотка. Отец, сцепив длинные кисти в замок, постукивал большими пальцами в такт этим звукам.

– Как дела в школе? – спросил он с широкой улыбкой, которая почему-то раздражала Оскара.

– В школе все хорошо, отец.

Из-за холодного ответа Оскара улыбка отца дрогнула, но всего на мгновение. Элджернону Бентли-Харрисону доводилось встречать тигров в лесах Бутана и отбиваться от аборигенов – охотников за головами в Новой Гвинее. Сохранять присутствие духа перед лицом невзгод – часть его работы.

– Хорошо? – переспросил мистер Бентли-Харрисон. – Разве тебе совсем нечем поделиться?

– Если вы надеетесь услышать о моих академических достижениях, сэр, – ответил Оскар, – то я не ученый.

– Чепуха. Ты очень умный мальчик.

– Я не имел в виду, что я неумный, отец. Я только хотел сказать, что меня не привлекают ни слова, ни книги, ни цифры – то есть все то, что должны любить ученые. Мне интересно другое.

– Как и мне, мальчик мой. – Отец заговорщически кивнул. – Я понимаю, что тебе не терпится выбраться из заточения классной комнаты. В мире гораздо больше интересного, чем даже в самой обширной библиотеке. Вот что влечет меня на разные концы земли, Оскар.

Жажда знаний! Моя область, разумеется, может показаться узкой, но когда ты повзрослеешь и я возьму тебя с собой, ты тоже поймешь, насколько важна моя ботаническая коллекция...

– Но, отец, – перебил его Оскар со вздохом, – цветы меня совсем не интересуют.

Даже если бы Оскар дал отцу пощечину, это не потрясло бы его настолько сильно. Мистер Бентли-Харрисон жил цветами, они были его страстью.

Однажды во время званого ужина миссис Бентли-Харрисон в шутку сказала, что даже не знает, что бы ее муж бросился спасать из пожара в первую очередь – жену и сына или свои драгоценные орхидеи. Гости посмеялись, но у хозяев шутка оставила горькое послевкусие, ведь оба они совершенно точно знали: в первую очередь Эджернон спас бы орхидеи.

– *Совсем не интересуют?* – переспросил мистер Бентли-Харрисон. – Но... Но... Я не понимаю. Раньше ты всегда ими увлекался.

– Нет, отец. – Оскар покачал головой и угрюмо отвел взгляд. – Я так часто пытался вам сказать, но вы и слушать не хотели. – Он повернулся к отцу и посмотрел на него. – Вы никогда не слушаете, сэр.

Мистер Бентли-Харрисон поднес к вискам пальцы и начал описывать ими на бледной коже концентрические круги.

– Но я так мечтал, что мы с тобой...

– В том-то и дело, – прервал его Оскар. – Это *ваша* мечта, отец. Я об этом никогда не мечтал. Вы ни разу не спросили, чему я хочу посвятить свою жизнь!

Последняя фраза прозвучала чуть громче и чуть грубее, чем хотелось бы Оскару, и поэтому он удивился, когда отец не стал его распекавать, а лишь устался в колени и печально опустил руки.

Мистер Бентли-Харрисон сидел молча уже, казалось, несколько минут, и Оскар позвал его.

– Отец?

– И чему же такому ты желал бы посвятить свою жизнь? – спросил тот, не поднимая головы. Оскар никогда раньше не слышал от отца такого тона, холодного и механического. – Ну что же ты? Давай послушаем, чем ты намереваешься заняться.

– Мне хотелось бы иметь собственное дело, – сказал Оскар. – Открыть лавку, какая была у дедушки, когда он только начинал.

– Лавку? – медленно повторил мистер Бентли-Харрисон, будто пробуя впервые произнести незнакомое иностранное слово. – *Лавку?*

Лавку когда-то держал его отец. Эджернон был вынужден работать там против своей воли, пока не уговорил мать на то, чтобы она позволила ему уехать в университет. Его отказ продолжить семейное дело стал для старика страшным разочарованием. Кажется, судьба наконец решила покарать Эджернона Бентли-Харрисона за предательство.

– Мы с дедушкой часто говорили, что я могу возродить его торговлю. Он дал мне столько полезных советов. Понадобится совсем небольшая сумма, отец, а денег у нас предостаточно.

Мистер Бентли-Харрисон посмотрел на сына. Его отец и впрямь живо интересовался внуком и заразил того жаждой предпринимательства. Когда старик умер, Эджернон продал его дело, и денег у них теперь действительно было ужасно много. Но он не собирался расходовать их столь заурядным образом.

– Боюсь, Оскар, эти средства мне понадобятся, – сказал отец. – Новые оранжереи обойдутся очень дорого: и постройка, и содержание. Видишь ли, их нужно постоянно отапливать, чтобы поддерживать определенную температуру.

– Но, отец...

– И я задумал пустить большую часть состояния на другие экспедиции, чтобы отыскать новые виды и заполнить ими оранжереи, – экспедиции, в которых, как я надеялся, ты будешь меня сопровождать, Оскар.

– Вы истратите все дедушкины деньги на себя? – Голос Оскара стал так же холоден, как и отцовский.

– Теперь они принадлежат мне, Оскар. И вот как я отвечу на твой вопрос: эти деньги пойдут на обретение знаний, на развитие науки. Нет цели благороднее.

Отец и сын смотрели друг на друга некоторое время, затем Оскар со скрипом отодвинул стул и поднялся на ноги.

– Прошу меня извинить, отец, – сказал он. – Мне нужно заниматься.

В комнату вошла миссис Бентли-Харрисон.

– Оскар? – обратилась она к сыну, увидев, как плотно сжаты его губы. – Что-то не так?

– Все в полном порядке, матушка, – ответил тот.

– Эджернон? – Она повернулась к мужу, когда Оскар вышел из комнаты.

– Все хорошо, дорогая, – сказал он с горькой улыбкой. – Пожалуйста, не волнуйся. Мальчик уже достаточно взрослый и должен усвоить, что нельзя получать все, что хочешь.

Мистер Бентли-Харрисон взял со стола выпуск «Таймс» и принялся за чтение, а его жена вспомнила, как давным-давно и она выучила этот же урок.

Оскар сказал ей, что решил уведомить отца о своем желании открыть лавку, и сыну, не выдающему склонности к страсти Эджернона, миссис Бентли-Харрисон могла почувствовать как никто. Ее тоже ничуть не влекла ботаника.

Вот уже почти двадцать лет она только изображала интерес к жизни растений, что повергло бы ее супруга в еще больший шок, чем признание сына. Миссис Бентли-Харрисон питала надежду, что, если она будет разделять увлечение мужа, их брак может стать чем-то большим, чем печальный союз без любви, коим он являлся на деле. В конце концов она смирилась с ролью незаменимой помощницы и внимательной слушательницы. Любовь, заключила она, существует только в книгах. Любовь – для других людей.

Тем временем Оскар вернулся в свою комнату и сначала расхаживал по ней в ярости, которая обжигала, словно лед, а затем встал у окна. Строители сновали, заканчивая чудовищную отцовскую оранжерею, – готовили ее к скорому приезду драгоценных растений.

Оскару ясно представилось, как отец демонстрирует коллегам-ботаникам свои новые владения, указывая руками в разные стороны, а его гости одобрительно вздыхают и завистливо бормочут. И вдруг Оскар понял: единственное, что имеет для него значение, – не дать этому стать реальностью. Надо стереть ухмылку с отцовского лица прежде, чем она появится.

Спустя неделю работы завершились. Стекла оранжереи сверкали в солнечном свете, а внутри, словно во влажном горячем пару хаммама, извивалось и копошилось подобие джунглей.

После отъезда строителей Оскар видел родителей все реже. Растения, которые из-за их размера раньше приходилось выращивать где-то еще, теперь привезли, протащили, перенесли через газоны и водворили на новое место с такой заботой и вниманием, каких Оскар никогда не знал.

Мать неотступно следовала за отцом среди чугунных колонн и беспрестанно делала в толстой тетради пометки о том, как надлежит ухаживать за каждым растением. Оскара никто и никогда так не лелеял.

Эти растения были подобны кукушатам в гнезде. Оскар ненавидел их. Боялся их. Он представлял, как они растут и множатся в тропической жаре оранжереи, тянутся вверх и вширь, а их извивающиеся усики шевелятся и подрагивают.

Еще хуже было то, что отец, кажется, испытывал особенную нежность к наиболее отвратительным питомцам. Только вчера он показывал Оскару растение, которое год назад обнаружил, путешествуя по джунглям Южной Америки.

– Ты когда-нибудь видел нечто подобное? – спросил он.

– Нет, сэр, – ответил Оскар. Он и правда не видел ничего столь уродливого.

– Никогда не встречал растения, которое развивалось бы с такой быстротой и мощностью. Я даже думаю, что, если мы простоим здесь достаточно долго, то увидим, как оно растет буквально у нас на глазах.

Растение и так было огромным. Его толстый центральный стебель венчала корона в форме луковицы. Оно имело темно-зеленый цвет, но Оскар заметил, что его пронизывают кроваво-красные сосуды. Оно выглядело исключительно отталкивающе, и Оскар ощутил невольное желание отшатнуться.

Растение пустило усики, которые карабкались по ветвям соседних деревьев и обвивали их. С каждого свисал непонятный серо-зеленый шарик.

– Пока неизвестно, плоды это или цветы, – указал на них отец. – Чтобы узнать, придется подождать. Я даже не уверен, к какому филуму³ его отнести. Я помню, мой мальчик, ты говорил, что ботаника тебя не занимает, но неужели подобные вещи не возбуждают твоего интереса? Согласись, это поразительно.

Оскар не разделял отцовского любопытства, но, по крайней мере, это растение было просто уродливым. Среди же других встречались и ядовитые, и оранжерея буквально щетинилась острыми как иглы шипами и иззубренными, словно пилы, листьями. Оскару хотелось как можно скорее убраться отсюда – подальше от отца, подальше от этих мерзких растений.

Отвращение, которое он испытывал к отцовской страсти и его растениям и зловонный, дурманящий воздух оранжереи вызывали у него тошноту.

Оскар отказали в том, чего он хотел больше всего в жизни, но посмотрим, как отцу понравится, когда пойдут прахом *его* мечты.

Оскар был вполне доволен собой. Он сам дивился, откуда в нем взялась такая изобретательность. Теперь, взяв собственную судьбу в свои руки, он чувствовал, будто стал чуточку выше. Дед несомненно гордился бы им.

Вот что Оскар обнаружил: если сбобрить воду, которой отец опрыскивает листья своих драгоценных растений, хотя бы щепоткой соли, эффект будет катастрофическим. И до чего же приятно было видеть, как отец собственноручно травит их ядом. Просто восхитительно.

Мистер Бентли-Харрисон был безутешен, когда его ненаглядные орхидеи зачахли и таинственным образом погибли. Симптомы заболевания не походили на те, что описаны в книгах. Он был растерян. Уничтожен. Оскар едва сдержал злорадство.

И если он чувствовал хоть малейший укол совести, ему достаточно было вспомнить, как отец наотрез отказался даже обсуждать его желание начать собственное дело.

Оскар делал все с умом. Он не добавлял соль сверх меры и делал это только перед самым поливом.

Лейки и опрыскиватели промыли, а потом и вовсе заменили, но растения по неясной причине увядали и сохли одно за другим. Отец Оскара все больше приходил в отчаяние.

Он запретил садовникам и слугам входить в оранжерею, а заодно велел Оскару и жене не трогать растения на случай, если его домашние, сами о том не подозревая, переносят какую-то доселе неизвестную болезнь. Оскара не надо было просить дважды. Трогать отвратительную зелень ему совсем не хотелось.

Теперь отец сам следил за всеми этапами полива и подкормки, что усложнило Оскару задачу, но тем больше удовлетворения приносил успех.

С последней операции по подсаливанию воды прошло уже несколько дней, и Оскару не терпелось пробраться в оранжерею и приняться за дело. Родителей он не видел с завтрака. Отец теперь еще меньше интересовался Оскаром, полностью посвятив себя воскрешению дражайших растений.

³ Филум – отдел (то есть тип) в ботанической классификации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.